

ДИСКУРС: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР

Л. Н. Юрченко

ОБРАЗ УКРАИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

И. А. Бунин — продолжатель традиций русской классической литературы — оставил свой неповторимый след в ее истории. С гениальной чуткостью он проникал в существенные процессы жизни, его глубоко волновали вопросы развития мира. Будучи человеком необычайно чувствительным к культуре, национальным особенностям разных народов, писатель не обошел вниманием и точно воспроизвел на страницах своих рассказов и повестей образы украинцев или, как он любил их называть, малороссов. Тема Украины широко представлена как в раннем, так и в позднем творчестве: рассказах «На край света», «Казацким ходом», «Святые горы», «На даче», «Костер», «В августе», «Лирник Родион», романе «Жизнь Арсеньева», «Окаянных днях», цикле лирических стихотворений.

Интересно отметить, что страницы произведений «украинской» тематики обычно овеяны светом и теплом. Красота украинского быта, малоросской усадьбы, восторг перед песенной лирикой Украины, чуткое восприятие особенностей национального бытия, милые и трогательные краски и черточки будничной жизни — все это нашло отражение в проникновенных текстах Бунина.

Примечательной особенностью поэзии и прозы Бунина, касающейся Украины, является постоянное стремление автора подчеркнуть свою очарованность древней историей этой земли. Он старается показать, что и в пейзажном облике, и в лицах людей, и в их речи ощутимо сквозит история. Рефреном через все произведения украинской тематики проходит мысль о том, что «в южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были» («Святые горы»)¹.

Мотив прошлого и памяти о нем оказывается ведущим в бунинском восприятии Украины, ведь исторические корни России, глубоко интересовавшие Бунина, связаны именно с этим краем: «Ты, древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней сла-

вянская природа» (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Л. Ю.) [VI, 261]. Эта фраза необычайно точно характеризует отношение Бунина к Украине, которая воспринимается им в древнерусском контексте. На этой земле он пытается найти истоки, на которых основывается духовная жизнь нации. Его волнует образ «Руси изначальной». Древние легенды, предания, следы прошлого питают бунинские произведения, повествующие о первоосновах русской ментальности. Желая найти корни национальных особенностей, писатель считал нужным выявить все возможные культурные влияния.

Буниноведы не раз отмечали, что он романтизирует былое и не приемлет настоящее, в его мироощущении движение идет не от хаоса к космосу, а на манер эсхатологического и мифологического архетипов — от космоса к хаосу, где прошлое видится «золотым веком»². Отсюда исходит своеобразие художественного решения времени и пространства на «украинских» страницах произведений И. А. Бунина: здесь перед нами предстают забываемые картины Малороссии, проникнутые несравненной поэзией и любовью с налетом таинственности. Этой особенностью мироощущения во многом объясняется лирико-романтическая доминанта прозы украинской тематики:

«И я думал о том, как прекрасна еще до сих пор эта страна, над которой пронеслось столько веков кровавых войн и раздоров, по степям которой бродили дикие племена печенегов и половцев; думал о том, как долго хранит эта страна печать глубокой старины среди новой, шумной жизни» («Казацким ходом») [II, 430].

«Я почти с благоговением смотрел на этих прямых потомков запорожцев-лоцманов» («Казацким ходом») [II, 435].

«Кто-то заговорил о Киеве. Заговорили о Софиевском соборе, о Михайловском, — многие впервые побывали на этом пути в Киеве — и стали с умилением дивиться их красоте и ужасаться картинам страшного суда, которыми славятся многие киевские церкви» («Лирник Родион») [IV, 159].

Музыка древнерусского стиха, поэзия южнорусских пределов привлекли Бунина к Малороссии, на земле которой он стремится постичь прошлое, прорваться к первоначальным культурным ценностям. Для этого он изучает фольклорные тексты, а в своих произведениях щедро использует их образы, метафоры, сравнения, иногда даже целые цитаты из них. Очень естественно звучат древнерусские слова в бунинских текстах: «скажи поклоны князю и княгине» (из стихотворения 1919 г.), «яровит я пуше

козла лаврского» («Суходол»), «кто же ее такую-то *опричь* вдовца возьмет» («Божье дерево»); прекрасное стихотворение «Святой Прокопий» все написано древнеславянским языком, а самой знаменитой своей поэме «Листопад» он дал древнерусское наименование месяца.

В «Жизни Арсеньева» устами главного героя Бунин признается: «Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлык, Дикое Поле...» [VI, 260]. А если обратиться к дневниковым записям, то можно обнаружить следующее: «Церковь Спаса-на-бору. Как хорошо: Спас на бору! Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним»³. Через звукопись древнерусских слов, названий городов он пытается прикинуть к таинственно манящей его своей древностью Руси Киевской.

Край, где Бунин родился и вырос, тесно соприкасается с землей Украины. В силу исторических условий в нем сложилась специфическая языковая ситуация. Русский язык Орловской и Воронежской губерний находился в постоянном контакте с украинским и вследствие этого испытывал влияние последнего. (Надо отметить, что этот процесс взаимный, продолжается он и сейчас.) Исторически эти края заселялись выходцами из разных регионов Руси. В. Н. Муромцева-Бунина в своей книге о Бунине приводит запись писателя, в которой он размышляет о данном вопросе: «И немудрено, что его язык был так богат. Область, о которой я только что сказал, есть так называемое Подстепье, вокруг которого Москва, в целях защиты от монгольских набегов с юго-востока, создавала заслоны из поселенцев со всей России»⁴.

Немалую часть населения бунинского края составили выходцы с Украины. В конце XVI и в течение всего XVII столетий под влиянием вековой борьбы Москвы с Польско-Литовским государством шло массовое движение украинского населения на восток. Это движение захватывало и побережье Дона, те его места, которые вырастили и выпестовали Ивана Алексеевича Бунина.

Бунин настолько проникся музыкой украинской речи, что даже в язык автора-рассказчика включал украинизмы: «пыль на шляхе», «мазанки на леваде», «панычи», «гукали», «скиглили рибалки», «над очеретом», «ветряки» и др. Украинский колорит в прозе и поэзии Бунина усиливают и звучащие в них специфические украинские имена: Горпина, Юхим, Одарка, Зинька, Христя.

Обращаясь к теме «Бунин и Украина», следует отметить, что писатель во взглядах на особенности славянского характера во многом следует философской концепции К. Н. Леонтьева — одного из самых загадочных и до сих пор не до конца понятых философов конца XIX в., которого слишком часто, впрочем, как и Бунина, при жизни упрекали в консерватизме.

Основная задача К. Н. Леонтьева — стремление прояснить истоки самобытности России, показать на ее частном примере проявление общих закономерностей жизни. Философ старался выявить общую основу человеческого существования не только как материального процесса, но и как религиозного бытия. Свой взгляд, свою теорию спасения славянства он изложил в работе «Византизм и славянство». В формулировках и лозунгах о равенстве лиц, сословий, наций, экономическом и умственном равенстве полов К. Н. Леонтьев видел грозный процесс уравнивания, упрощения и, соответственно, разрушения культурного мира с его своеобразием. Не реакция или прогресс являются мерилем жизни, а эстетика с ее гармонией, где есть начала антагонизма и солидарности. Разительное сходство с мыслями К. Н. Леонтьева обнаруживает публицистика И. А. Бунина («Великий дурман», «Инония и Китеж», «Записная книжка», «Еще об итогах»). В частности, в «Великом дурмане» Бунин писал: «История повторяется, но нигде, кажется, не повторяется она так, как у нас, и не Бог весть сколько оснований давала ее азбука для розовых надежд. Но мы эту азбуку сознательно и бессознательно запаматовали. <...> Вот невольно, только что пережив и еще не изжив все то, что творилось вчера и творится еще и нынче на *Украине*, в *колыбели славянской души*, невольно вспоминаешь Хмельницкого и его сподвижников...»⁵. Обращая свой взор к истории России, Бунин подобно Леонтьеву заостряет внимание на ее «роковой особенности: кругами совершать свое движение вперед»⁵.

Необходимо сказать, что наряду с К. Н. Леонтьевым в ряду русских мыслителей Бунин выделял и А. К. Толстого, идеи которого оказались духовно созвучны ему. В статье «Инония и Китеж», посвященной 50-летию со дня смерти графа А. К. Толстого, автор, высоко оценивая степень его патриотического сознания, говоря о том, что А. К. Толстой славил идеал истинно русской, европейской и христианской монархии и громил ненавистный ему кошмар азиатского деспотизма, подчеркивает: «Начало истинного национального строя он [А. К. Толстой. — Л.Ю.] находил в киевской эпохе нашей истории <...> Он мерил

благо отечества высшей мерой. И он не ошибался: нам нужно развитие тех христианских истинно-национальных начал, что было обещано светлыми явлениями киевской Руси...»^{5а}. Далее Бунин отмечает: «В 69 году Толстой записал о себе: «Я западник с головы до ног, и настоящий славизм западный, а не восточный». Это в его устах значило: Русь киевская, со Святогором, с Феодосием Печерским». «Собирание земли, — писал он далее. — Собирать хорошо, но что собирать? Когда я вспоминаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов, мне хочется броситься на землю и кататься от отчаяния!»^{5б}. Обращает на себя внимание то, что Бунин в большом количестве цитирует Толстого, тем самым подчеркивая, что мысли последнего идеологически близки ему.

Касаясь темы национальной жизни, Бунин развивает идею о параллелизме природных и национальных стихий. В этой связи представляет интерес глубокое исследование данного вопроса Н. В. Пращерук, которая заостряет внимание на том, что национальная жизнь понимается Буниным как национально-природная целостность, а философизация природы органически включается в его художественную мысль. Исследователь утверждает: «Писатель стремится провести идею об особой роли мира природы в судьбе человека. Природа выражает субстанциональные начала национального бытия»⁶.

Обусловленность национального характера природным своеобразием — одна из самых распространенных концепций философии XX в. Об этом писал Н. О. Лосский в своем исследовании «Характер русского народа», эту же точку зрения активно развивают М. Н. Мамардашвили, М. Н. Эпштейн, С. С. Аверинцев, Г. Д. Гачев.

Изображение национального характера у Бунина реализуется закреплением повторяющихся образов и мотивов, опорой на традиционные символы национального пейзажа. Со словом «Украина» у писателя соотносится ряд пространственных образов, его раскрывающих: южные степи, воздух, напоенный солнцем, высокое небо, белые хаты, сады в цвету, тополя, верболозы.

Использование пейзажных лейтмотивов создает художественную модель национального мира. В бунинских рассказах «украинской» тематики («Святые горы», «Казацким ходом», «На край света», «В августе», «Лирник Родион») между внутренним миром героев и миром природы почти всегда царит согласие, совпадение ритмов. Образы украинцев, как правило, идеализированы автором, он видит поэзию в самых будничных проявлениях

их жизни. В данном случае пейзаж, созвучный настроением героев, показывает, какой отпечаток накладывает природа на характер человека.

Эстетическая функция пейзажа Малороссии у Бунина чаще всего сводится к созданию оптимистического восприятия мира, свойственного молодости (так как именно с этими местами связаны годы его юности и большой любви). Природа оказывается той целительной и благотворной силой, которая дает человеку все: радость, мудрость, красоту, ощущение собственной значимости и целостности мира. А поскольку Бунин, как уже было отмечено выше, является художником, для которого жизнь человека вписана в жизнь природы (космоса), то на примере его рассказов можно проследить естественное единение деятельности и душевного состояния человека с жизнью природы в качестве коренной, глубинной традиции национальной культуры.

В сравнении с зоной подстепья, где родился и вырос писатель, южная природа Украины представляется более яркой, красочной, поэтому одной из особенностей поэтики «украинских» произведений Бунина являются предельно насыщенные живописные картины, поражающие щедростью и богатством оттенков. Пейзажные мотивы, пройдя через все содержание, создают единый образ.

Неизменный интерес писателя к югу (Украине) был навеян и романтическим характером его мировосприятия, влечением ко всему яркому, необычному, древнему, в противоположность однообразию. Буниноведы не раз отмечали, что Иван Алексеевич отчасти по настоянию врачей, но больше по душевной склонности направил вектор своей жизни с севера на юг. Обычно ранней весной он отправлялся в Ялту, Одессу, Полтаву; там же проводил и позднюю осень. В 1900-е гг., обретя литературную известность и неотделимую от нее некоторую материальную независимость, начал регулярно путешествовать и практически все холодное время проводил в странствиях (см. Автобиографическую заметку 1915 г.) — не раз бывал в Турции, в Греции, в Египте, странствовал по Сирии, по берегам Малой Азии, Палестине, был в Ороне, Алжире, Константинополе, Тунисе и даже на окраинах Сахары, плывал на Цейлон, изъездил почти всю Европу, особенно ее южную часть — Сицилию и Италию. Во время свадебного путешествия с В. Н. Муромцевой он посетил Турцию, Египет, Иудею. Оказавшись в эмиграции, жил на юге Франции, в Грассе, а не в более северном Париже. Любимая бунинская вилла «Бельведер» глухой стеной была обращена на север, а окнами к морю, на юг.

Племянник писателя Н. А. Пушешников отмечал в дневнике: «Бунин говорил, что очень любит ходить к железной дороге, потому что это вызывает у него воспоминания о путешествиях, юге, что он любит больше всего в жизни»^{3а}. А в дневниковых записях самого Бунина можно обнаружить следующее: «Страстное желание (как всегда в хорошую погоду) ехать. Особенно на юг, на море, на купанье»⁷.

Марк Алданов, один из самых близких друзей Бунина периода эмиграции, писал: «С холодными, ледяными странами у Ивана Алексеевича всегда связывалось впечатление о страшном, о самом страшном. Много он путешествовал — и никогда в такие страны не ездил. <...> О юге же, особенно об *Украине*, о Крыме, всегда говорил с нежной любовью и писать предпочитал в южных странах»⁸. Любовь писателя к югу, морю, солнцу, теплу, по нашему мнению, во многом предопределила его подход к теме Украины, к романтической поэтизации ее образа.

Факты пребывания Бунина в разных городах и местечках Украины, малоросские пристрастия, связи с деятелями украинской культуры, творческие притяжения и отталкивания позволяют более определенно очертить генезис и творческую эволюцию ее образа в наследии писателя.

Впервые на Украину он попал в 1889 г. 18-летним юношей. Эта поездка произвела на него столь сильное впечатление, что потом он в течение 30 лет систематически посещал эти края. География его поездок была широкой: Харьков, Киев, Полтава, Одесса, Канев, Ромны, Славянск, Светогорск, Кременчуг, Екатеринослав, Александровск, Каховка, Никополь, Николаев, Миргород, Каменец-Подольский, Кобеляки, Путивль, а также села Шишаки, Павленки, Павловка, Ромашек, Хилково, Краснополье, Лоцманская Каменка и др. Бунин плавал по Ворскле, был на Хортице, любил одесское побережье Черного моря, трижды путешествовал по Днепру, причем ни одна из этих поездок не повторяла другие.

В 1890 г. он совершил поездку с главной целью — побывать на могиле Шевченко; во время следующей, в 1895 г., посетил М. М. Гербановского в Каменец-Подольске. Затем была предпринята поездка в конце мая 1896 г. по маршруту Полтава — Кременчуг, далее на пароходе до Екатеринослава, чтобы оттуда спуститься на плоту через Днепровские пороги. Художественным обобщением, в котором были слиты впечатления всех трех путешествий по Днепру, явился рассказ «На Чайке».

Живя на Украине, писатель путешествовал по местам, связан-

ным со «Словом о полку Игореве». В 1895 г., по пути в Киев, Бунин сошел с поезда около древнего Путивля — города, связанного с образами «Слова...», — и по этим священным для него местам несколько дней шел пешком. В том же году он еще раз побывал в этих краях, совершая паломничество в Святогорский монастырь, и снова пешком прошел по тем же местам. Впечатления этих пеших путешествий нашли отражение в рассказах «Казацким ходом», «Святогорский монастырь».

Первым украинским городом, который увидел Бунин, был Харьков, там жил его брат Юлий, у него юный поэт провел два месяца. В. Н. Муромцева-Бунина отмечает: «Харьков поразил его и великолепием магазинов, и высотой каменных домов, и огромностью площадей, и собором»^{4а}. В этот приезд в Харьков Бунин начал тщательно готовиться к серьезной встрече с Украиной: бывал в библиотеках, изучал литературу по украиноведению, подолгу беседовал с братом об истории Украины. В странствиях по полюбившемуся краю изучал жизнь и быт, искусство и историю народа. Рассказы и дневники писателя, воспоминания родных и близких содержат свидетельства об этом.

Среди украинских городов Бунин особенно выделял Полтаву, в которой пережил счастье семейной жизни с Варварой Пашенко; это счастье продолжалось с августа 1892 г. по ноябрь 1894 г. Как пишет В. Н. Муромцева-Бунина, «путь в Полтаву вместе с нею был одним из самых счастливых в его жизни, — ведь он еще верил в будущее, радовался, что та, которую он любит, решила делить с ним жизнь, — прекратилась, как ему казалось, его вечная мука»^{4б}.

В Полтаве от «влюбленности в Толстого, как художника» [IX, 261] пережил полосу увлечения толстовством, прилаживался к бондарному ремеслу, посещал толстовские колонии, ездил к сектантам села Павловки в Сумском уезде, несколько дней жил у толстовцев хутора Хилково, принадлежащего князю Хилкову, известному толстовцу. В конце зимы 1894 г. Бунин открыл в Полтаве магазин для продажи толстовских изданий и ездил по ярмаркам, распространяя брошюры «Посредника».

Наряду с Полтавой, Бунин выделял и Одессу, в которой не просто бывал, а подолгу жил то на дачах Ковалевского, Федорова, Кришевых, Шишкина, то на квартире Нилуса, то в особняке Буковецкого. По данным одесских краеведов (Л. А. Бурчак и Н. К. Островской), он посещал Одессу 35 раз, в общей сложности проведя в ней 5,5 лет. В этом городе он сдружился с членами «Товарищества южнорусских художников». Бунин,

практически не имевший близких друзей среди столичных писателей, нашел взаимопонимание в среде местной интеллигенции. Жизнь этого города в какой-то степени была ближе провинциалу Бунину, нежели атмосфера столиц (Москвы и Петербурга).

В Одессе Бунин познакомился с красавицей гречанкой Анной Цакни (1889—1963), ставшей его первой официальной женой, родившей ему единственного ребенка, сына Николая, который прожил немногим больше 4 лет. Пораженный красотой Анны Цакни, Бунин едва ли не в первый день знакомства сделал ей предложение. 23 сентября 1898 г. состоялась свадьба. Жили молодые Бунины на Херсонской улице, этот дом и квартира сохранились, ныне это улица Пастера, д. № 44.

Порвав с А. Цакни, Бунин по-прежнему часто бывал в Одессе, посещая свои любимые «четверги» («четвергом» называлось еженедельное собрание «южнорусских» художников, писателей, артистов, некоторых профессоров, вообще людей, любящих искусство, веселое времяпрепровождение, товарищеские пирушки). На протяжении долгих лет писатель испытывал своеобразное увлечение одесской интеллигенцией, со многими представителями которой он вошел в приятельские отношения, особенно выделяя музыкантов В. Х. Заузе, Т. Я. Дворникова, Б. И. Эгиза, художников Е. И. Буковецкого, Н. Д. Кузнецова, К. К. Костанди. Близкую дружбу поддерживал с П. А. Нилусом (1869—1943) и В. П. Куровским (1869—1915).

Притяжение Одессы было настолько сильно, что, по словам В. Н. Муромцевой-Буниной, «всякое путешествие, куда бы мы ни держали путь, начиналось и кончалось Одессой»^{4в}. Именно в Одессу уехал писатель, думая спастись от революционных погромов 1917—1918 гг.

В историографии темы «Бунин и Украина» одно из центральных мест принадлежит вопросу литературных связей. Среди украинских писателей его, конечно же, привлекал Т. Г. Шевченко, поэзия которого повлияла на совсем еще молодого писателя, пленив поэтическими образами украинской земли. Отношение И. А. Бунина к Т. Г. Шевченко широко отражено в его художественном творчестве («По Днепру», «Казацким ходом», «Жизнь Арсеньева»), в мемуарах В. Н. Муромцевой-Буниной, Г. Н. Кузнецовой, А. Бахраха, в письмах (особенно к И. А. Белоусову), в дневниках.

Духовный мир «Кобзаря» был близок мировосприятию Бунина, которого глубоко трогала тяжелая судьба поэта, его одиночество и нищета, ведь Бунину самому в полной мере пришлось

все это испытать на себе. Первая редакция рассказа «Казацким ходом» («На Чайке» ж. «Всходы» — СПб., ноябрь 1898 г.) содержала интересный отрывок (позже исключенный Буниным), повествующий о последней встрече Шевченко с сестрой: «Чем могла помочь она своему усталому грустному брату, великому человеку, которому, однако, негде было преклонить головы? Она сама была несчастная замученная горем раба, — крепостная... А сам поэт... В детстве он, говорят, ушел раз в степь искать «конец света», и его нашли и привезли домой только случайно... Где же ему было нажать свой угол? Кто в детстве уходит искать «конец света», тот уже никогда не сумеет найти дорогу к благам жизни»⁹. Этот отрывок обнаруживает много общего с личностью и судьбой самого Бунина. Ибо и он был таким же романтиком, ищущим счастье, не сумевшим найти дорогу к благам жизни, до могилы оставшимся без своего дома.

Поэзия, личность Шевченко, его судьба интересовали Бунина настолько сильно, что он отправился в первое путешествие по Украине (на барже с дровами от Киева вниз по Днепру), чтобы ознакомиться с шевченковскими местами.

Образы поэзии Шевченко, его строки являются одной из составляющих комплекса мотивов, создающих образ Украины в творчестве Бунина. Например, при описании украинской деревни в рассказе «На край света» с самой первой страницы в повествование вклиниваются строки «край веселый, степ широкий», которые ассоциируются у Бунина с поэзией Шевченко. (В очерке «По Днепру», рассказывая о путешествии к могиле Шевченко, Бунин говорил: «Ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, — «край веселый, степ широкий», ясные зори и тихие воды своей родины!» [II, 481]).

В стихотворениях Бунина, написанных на украинском материале, ясно слышны шевченковские реминисценции, однако скорее эмоциональные, чем содержательные. Прослеживается наличие образной переклички: дорога, степь, звездное небо, баштаны, цветущие сады.

Интересен такой факт: в «Журнале для всех» (1900. № 12) наряду с переводами из Шевченко («Заповит» и «Закувала зозуленька») было опубликовано и оригинальное стихотворение Бунина «Как светла, как нарядна весна!..» Читатели восприняли его как перевод из Шевченко, и даже С. В. Рахманинов, тонко чувствовавший бунинскую поэзию, принял его за перевод. В результате, написав музыку на эти стихи, обозначил автора так: «Бунин — из Шевченко». Эта ошибка в изданиях романсов Рахманинова и в работах о нем не исправлена до сих пор.

Мировоззрение Бунина базировалось на огромном интеллектуальном и эстетическом фундаменте, созданном литературой XIX в. Одним из литературных деятелей, чей эстетический идеал являлся для писателя опорой, был Н. В. Гоголь, тем более, что последний в конце XIX — начале XX в. как бы заново вернулся в Россию, произошло его второе рождение. Бунин испытывал глубоко личный интерес к феномену Гоголя-художника. Хотя сразу надо отметить, что его отношение к автору «Мертвых душ» было неоднозначным, противоречивым.

Классику-рационалисту Бунину была чужда гротескная природа гоголевского искусства, и те произведения великого предшественника, в которых она проявилась во всю свою силу и мощь, он не принимал. Одна из бунинских записей в дневнике (от 18.09.1933 г.) гласит: «Читаю «Мертвые души». Нельзя читать серьезно — очень талантливый шарж, и только. А чего только не наплели! «Гениальное изображение пошлости...» И чего только сам не вообразил! «Горьким словом моим посмеюся...» России почти не видал, от этого местами нелепое соединение Малороссии и Великороссии»³⁶.

По свидетельству Бунина, восприятие Днепра для него всегда сопровождалось ассоциациями со «Страшной мезьей»: «Кажется иногда, что это Днепр не теперешней мирной Малороссии, а Днепр времен «Страшной мести», Днепр могучего и вольного прошлого старой Украины. Так, по крайней мере, чувствовалось мне, и — смешно сказать! — стоя на палубе, я уже искал глазами того места, где когда-то среди гор белел приднепровский хутор пана Данилы...» [II, 478]. Вспоминая в «Жизни Арсеньева» о том, насколько ярко и зримо предстали перед ним гоголевские пейзажи, он скажет: «...дивлюсь: как мог я тогда, в Каменке, так разительно точно видеть все эти картины! И как уже различала, угадывала моя детская душа, что хорошо, что дурно, что лучше и что хуже, что нужно и что не нужно ей!» [VI, 39]. В «Жизни Арсеньева» цитаты из Гоголя помогают раскрыть внутреннее состояние героя, показать «восторг и радость бытия» жизни, подчеркнуть остроту восприятия: «Лучше всего у Гоголя его записная книжка», — говорит Арсеньев. И далее цитирует: «Степная чайка с хохлом в виде скобки поднимается с дороги...» [VI, 261].

В гоголевском наследии Бунина восхищала пластика внешней изобразительности, его вдохновенные поэтические картины украинской ночи, степи, дороги, звездного неба... В ранних рассказах Бунина легко прослеживается его невольное подражание

творческой манере писателя-предшественника. Например, в рассказе «По Днепру» явной стилизацией под Гоголя звучит фраза: «Увы, Бог его знает, где это жил пан Данило!..» [II, 479].

В письме И. А. Белоусову (от 6 мая 1897 г.) Бунин повествует о Миргороде в гоголевских гротескных тонах: «...а теперь приветствую тебя из великого Миргорода! Любопытный город, если только могут называться городами болота, по которым шуршит камыш, кричат кулики, а по берегам стоят избышки, крытые очеретом. Много написал бы тебе, «да боюсь, что письмо это попадет к городничему...»¹⁰.

В очерках «Мелкопоместные» (1891 г.) и «Помещик Воргольский» (1892 г.) отчетливо прослеживаются гоголевские юмористические нотки, позже совершенно исчезнувшие из бунинского творчества.

Бунин унаследовал гоголевскую музыкальность, ритм, поэтическую и эмоциональную интенсивность лирического текста. Ему близок «сам ритм» гоголевской прозы, и если гротесковая составляющая его отталкивала, то лирическая неизменно притягивала. Даже в нелюбимых им «Мертвых душах» Бунина всегда пленяли лирические авторские отступления.

У Бунина и Гоголя много общего не только в природе таланта, особенностях стиля, но и в мировоззрении, мироощущении. Автобиографический герой Бунина, побывав в Петербурге, говорит возлюбленной, что он «человек до глубины души южный» [VI, 260]. И в подтверждение своих слов вспоминает Гоголя (сопоставляя себя с ним), его письмо к В. А. Жуковскому из Италии: «Петербург, снега, подлецы, департамент — все это мне снилось: я проснулся опять на родине» [I, 260].

Г. Н. Кузнецова в своих дневниковых записях приводит интересный факт поразительного сходства писателей: «Читаю воспоминания Анненкова о Гоголе. Оказывается, Гоголь так же боялся болезней и вида смерти, как и Иван Алексеевич»¹¹.

Гоголь называл себя русским писателем с «хохлацкой закваской», а Бунин, уже в эмиграции, словно иронизируя над собой, подписывал письма к Марку Алданову: «Ваш бывший Хохол Удалой»^{8a}.

И наконец, необходимо отметить, что высказывания Бунина (человека очень противоречивого в области литературных пристрастий) о том, что он «терпеть не может «Мертвых душ», определение Гоголя как писателя «балаганного», «лубочного», не отменяли его любви и тяги к гоголевскому наследию («Вечера...», «Миргород», «Тарас Бульба»).

Определив основные источники и причины появления мотивов Украины в творчестве Бунина, остановимся на анализе их конкретного проявления. В его ранней очерковой прозе, написанной на украинском материале («На край света», «По Днепру», «Казацким ходом», «Святые горы»), нашли отражение типологические особенности литературы конца XIX в. По мнению исследователей (К. Д. Муратовой, В. А. Келдыша, Л. А. Смирновой, Л. К. Долгополова, Е. Г. Мущенко), в это время роман уступает место более мобильным жанрам: повести, рассказу, очерку. При этом господство малых жанров сопровождается все усиливающимся размыванием границ между ними. Повесть и рассказ, рассказ и очерк сближаются, из очерка исчезает глубоко социологический элемент, характерный для этого жанра в XIX в.

Произведения, публикуемые в газетах, авторы часто называют очерками, а включая их в свои сборники, именуют рассказами. Так случилось и с бунинскими сочинениями «На край света», «По Днепру», «Казацким ходом». Это отнюдь не факт невнимания к обозначению жанра, а констатация видоизменения самих жанров, несущих большую, чем ранее, нагрузку в раскрытии жизненных явлений.

Сказочно-былинное восприятие Украины щедро питает ранние бунинские рассказы, описания днепровских берегов тесно связаны с эмоциональной стилистикой Гоголя. Да и потомки «запорожцев-лоцманов» воспринимаются писателем не иначе, как в тесной связи с Гоголем, образом Тараса Бульбы.

Особую роль в них играет поэтика названий, имен, рассчитанная на волну исторических ассоциаций, вызывающих воспоминания о далекой древности, звучащих волнующей музыкой прошлого. Это и сам древний Канев — «место крови» по старинному турецкому наименованию, и «славный Киев», и Хортица, и мифологизированные имена «старого казачества» — Самийло Кишка, Шах, Иван Пидкова.

В ранних рассказах Бунин описывает места, ставшие эмблемой физически и духовно освоенного им пространства «старой Украины». Взгляд писателя близок взгляду историка и этнографа, желающего сохранить в памяти культуры черты бытового уклада, особенности построек, костюма, облик городов и деревень.

Путешествия по Украине, соприкосновение с историческим прошлым Руси сыграли значительную роль в формировании личности и мировоззрения Бунина. Возможно, именно поэтому

одного из значительнейших своих литературных героев — Кузьму Красова («Деревня», 1910 г.) — он проводит по Украине, по тем местам, где сам странствовал в молодости, наделяя персонаж возвышенными мыслями и чувствами при соприкосновении со святынями Киевской Руси.

Бунину тема Киева особенно дорога. Для писателя этот город был подобием сакральных городов — Византии, Рима, Иерусалима, городом-храмом под открытым небом, имеющим особое значение в процессе становления его как художника слова. Это своеобразная историософия Киевской Руси, метатекст о городе-прародине, где поэтика имен, названий звучит музыкой далекой русской древности.

Образ Киева здесь — это именно образ, открывающийся в субъективном восприятии, в глубоко личном, интимном переживании. В этом городе бунинский герой как бы прозревает, пробуждается от дурного сна, хотя пробуждение это и оказывается временным. Кузьма, пребывающий во время этого путешествия в восторженно-эйфорическом состоянии, очень напоминает раннего Бунина периода его первых поездок по Днепру: «Затем поехал в Киев и, махнув рукой на дела, три дня проходил, хмельной и радостно возбужденный, по городу, по обрывам над Днепром. И в Софийском соборе, за обедней, многие удивленно оглядывали худого кацапа, стоявшего перед саркофагом Ярослава» [III, 71—72].

Художественный мир отрывка, посвященного пребыванию Кузьмы в Киеве — это особенный пространственно-временной континуум, характеризующийся атмосферой задушевности, где каждая художественная деталь несет на себе целый пласт культурологических, исторических, мифологических ассоциаций. Это страницы, рассказывающие о страданиях души. Повествовательная манера неоднозначна: поток сознания и внутренняя речь смешивают картины сиюминутной реальности с образами прошлого, подчас переходя в эмоционально окрашенное высказывание: «...Кузьма восторгался: «Ах, и время же было!» Он задохнулся от злобы на жандарма и на этих покорных скотов в свитках. Тупые, дикие, будь они прокляты... Но — Русь, древняя Русь!» [III, 71]. Экономный и краткий язык, максимально приближенный к экспрессивно-разговорной речи, соседствует с речью эмоциональной, насыщенной ассоциативными образами.

Описывая состояние Кузьмы, Бунин прибегает к своему излюбленному приему парадоксального сочетания несочетаемого: «страдальчески счастливо». Это не просто психологическая де-

таль, но и метафора неблагоприятного состояния мира, стоящего накануне великих и страшных перемен. Находясь в Киеве, Кузьма думает об истории России, об основах души и поведения славянина. Эта же тема будет продолжена и в следующем крупном произведении Бунина — повести «Суходол» (1911 г.).

В «Суходоле» Бунин исследовал корневые основы национального характера и, любя Россию всем сердцем, показал все недостатки русской жизни, психологию русской души, «...над которой так безмерно велика власть воспоминаний, власть степи, косного ее быта, древней семейственности...» [III, 136]. Идеино-художественная, образно-смысловая структура «Суходола» отличается сложностью, богатством самых разных формально-содержательных уровней и пластов и вместе с тем их единством и целостностью. Нас же в рамках исследуемого вопроса будет интересовать национальный аспект обобщения, в котором Бунин касается вопроса соотношения характеров двух народов — великороссов и малороссов. Система образов в «Суходоле» заставляет особо задуматься над особенностями типизации характеров: суходольцев (великороссов) и «хохлов» с хутора Сошки (малороссов).

Рисуя в «Суходоле» по принципу контраста два народных характера, два миропорядка, живущих в рамках одной государственной системы, Бунин как бы обращается к читателю с вопросом — почему? Почему украинская деревня пленяет своей чистотой, аккуратностью, ухоженностью белых хат, а сами хозяева просто «удивительны» своей опрятностью, спокойствием и ладностью? А русская деревня поражает запустеньем, неряшливым убожеством не только крестьянских изб, но и дворянской усадьбы, которая вместе с людьми, ее населяющими, вырождается, но в свою очередь тоже пленяет своей загадочностью, поэзией грусти и любви, горечью и прелестью жизни. Построенная по принципу контраста, данная параллель имеет немало важное значение для понимания художественной концепции повести, тем более что дается она через призму восприятия дворовой Натальи: «Потом стала она понемногу приходить в себя — и дивоваться на Сошки, находить в них все больше прелести и несходства с Суходолом. Одна хата хохлацкая чего стоила — ее белизна, ее гладкая, ровная очеретенная крыша. Как богато казалось в этой хате внутреннее убранство по сравнению с неряшливым убожеством суходольских изб!» [III, 168].

В «Суходоле» происходит встреча одного типа психоментальности с другим, все это представлено в рамках определенного конкретного пространства. И Суходол, и Сошки имеют свой

художественный хронотоп и свой эмоционально-оценочный контекст. Каждому пространству приписан метафорический лейтмотив, определяющий его место в художественном мире повести. Хронотоп «Суходола» — это «оскудевшая усадьба», «темный и сумрачный старый суходольский дом, источник темных воспоминаний», «обольщение стариной». «Глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси, царящая надо всем» [III, 140]. Все жители Суходола (и дворяне, и дворовые) «страдают привязанностью к Суходолу», у них «суходольская душа», «...над которой так безмерно велика власть воспоминаний, власть степи, косного ее быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворню, и дом в Суходоле» [III, 136]. Повторяющееся слово «странное», подобно словесному рефрену в лирическом стихотворении, усиливает ощущение алогичности и таинственности существующей действительности.

Хронотоп хутора Сошки — это «длинная белая хата», в которой удивительный уют создает и «узорчатая скатерть», и «дорогие фольговые образа», и «красиво пестреющие полотенца». Ключевым эмоционально-оценочным определением всего увиденного Натальей в Сошках является слово «удивительно». Удивительно не только убранство хаты, но удивительны и ее хозяева, в которых «не было ни усталости нашей, ни вялости в его лице; небольшие глаза глядели остро, тонко насмешливо» [III, 168].

Это пространство гармоничное, обжитое, дружественное — но *не родное*, дни, проведенные здесь, тянутся «мерно, скучно, как те богомолки...» Между «хохлами» и Натальей возникают сложные отношения, в которых действуют силы притяжения и отталкивания, такая амбивалентность художественно закономерна, так как призвана подчеркнуть таинственную власть суходольской усадьбы над судьбой Натальи. Притяжение Суходола постоянно, настоятельно требовательно, это почти маниакальная привязанность к пространству, которое характеризуется хаотичностью, алогизмом, заразной инерционностью, изъятостью из сферы предсказуемого, «сплошной случайностью, исключаящей категорию причинности» (В. Н. Топоров). И пусть в Сошках царят уют, тепло, человекосообразность — они оказываются чужды мечтательной «суходольской» душе Натальи, вся сила и прелесть которой в установке на инстинктивное, иррациональное, в тяге к родовому, в желании вернуться к тем источникам жизни, которые таит в себе прошлое.

Наталья составляет часть мира Суходола, ее душа принадлежит ему, и, как бы ни было ей хорошо в уютном домике в

Сошках у Шарого и Марины, всем сердцем она стремится назад: «У нее ноги отнялись от радости, когда, вскочив на порог накануне Петрова дня, поняла она, что Бодуля за нею, когда увидела она запыленную, растрепанную суходольскую телегу, увидела рваную шапку на лохматой голове Бодули, его выцветшую на солнце путаную бороду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное...» [III, 171—172].

Она стремится назад, в Суходол, туда, где жизнь окутана неким мифологическим туманом, ведь именно там Наталья чувствует нечто родное, материнское: «Детей хохлы не имели; Наташка была сирота. И живи она у *суходольцев*, звали бы ее дочкой приемной, а порой и воровкой, то жалели бы ее, то глаза кололи. А *хохлы* были почти холодны, но ровны в обращении, совсем не любопытны и не многоречивы» [III, 169]. Как родная мать, Суходол и обидит, и приласкает. Необходимой почвой своего существования мыслит Наталья суходольскую усадьбу со всеми ее ужасами и страхами, со всей ее поэзией.

В нарисованной Буниным сложной картине взаимодействия полюсов пространственной оппозиции (Суходол и Сошки) отношения оказываются инверсированными. Родное, любимое пространство («Суходол») — отторгает, чужеродное («Сошки») — ласково приемлет. Невольное путешествие Натальи и ее пребывание у «хохлов» в Сошках автор определяет как «самое замечательное событие всей ее жизни», да и сама Наталья, грустно усмехаясь, признается: «Я иной раз по отцу-матери не жалкую так-то, как по хохлам своим...» [III, 167].

О том, что пребывание в среде украинцев наложило отпечаток на характер героини, свидетельствует ее невольное подражание им в манере держаться. Ведь именно «хохлы» (Шарый и Марина) дали ей временное пристанище, возможность перестрадать и «образумиться», понять и принять ту «роль», которая была предназначена ей судьбой. Об особой тяге русских к «определенной роли, взятой на себя», Бунин говорит в целом ряде произведений, но в «Суходоле» — это одна из ведущих тем. Неожиданная роль, взятая на себя Натальей, предназначена для сокрытия мысли, чувства. Героиня дается Буниным изнутри, в потоке ощущений и воспоминаний, в которых значительное место занимают Шарый и Марина.

Давая детализированные портреты «хохлов» (Шарого и Марины), писатель в значительной мере акцентирует внимание на их музыкальности, на манере пения. Автор отмечает, что Шарый поет только что-то насмешливо-плясовое, а Марина в своих

песнях, даже любовных, строга, горда и задумчиво-сумрачна. Помимо характеристики музыкальных пристрастий Шарого и Марины, Бунин через внешние детали дает до уникальности подробное описание их внешности, которое последовательно и вызывающе физично, чувственно. Мы ясно представляем «спокойного, ладного, опрятного» Шарого, который был «невысок, голову имел клином, стриженую, в густом крепком серебре, усы, — он только усы носил, — тоже серебряные, узкие, татарские, лицо и шею черные от загара, в глубоких морщинах, но тоже каких-то ладных, определенных, нужных почему-то» [III, 168]. Ясно видим стройную, красивую, пятидесятилетнюю «хохлушку Марину» со строгой живостью глаз — «не то агатовых, не то янтарно-серых, менявшихся как у кошки», видим, как она одета, начиная с черно-золотого, в красный горошек платка, черной, короткой плахты, резко оттенявшей белизну сорочки, до башмаков с подковками, обутых на «босу ногу».

Нарисованные Буниным картины хутора Сошки рельефны, многопредметны, в них широко представлена украинская конкретика, этнографические зарисовки, введенные в повествовательную ткань, фактурно точны.

Образы украинцев, данные в контрастном сопоставлении с русскими, усиливают впечатление абсурдности поведения суходольцев. Автор как бы ставит вопросительный знак, он задает огромное количество риторических вопросов, стремясь разгадать обусловленность и правомерность существующего миропорядка.

Впечатления юных лет, люди, встреченные в долгих скитаниях по городам и местечкам Украины, оставили глубокий след в душе Бунина. Воспоминания о периоде жизни в Полтаве и Харькове воплотились впоследствии в живых образах и картинах уже зрелого, талантливого писателя, в его знаменитом произведении «Жизнь Арсеньева».

В контексте заявленной темы нас будет интересовать не весь роман, а лишь его 4-я и 5-я части, ибо именно на их страницах развиваются события, так или иначе связанные с землей Украины. Необходимо отметить как важную особенность то, что многие ранние рассказы «украинской» тематики («Казацким ходом», «На Донце», «На даче», «В августе») большей частью вошли в состав романа. Используя материал ранних рассказов в тексте романа, Бунин идет по линии сокращения и уточнения, убирая все, по его мнению, лишнее, оставляя лишь основные переживания.

В романе воссоздаются давние юношеские тревоги и радости. Издалека, по истечении десятков лет, все, что было в прошлом, видится романтизировано прекрасным, дается Буниным в осязаемых подробностях. Отсюда особый лиризм повествования, отражающий реальность в новом эмоциональном регистре. В особенности это справедливо в отношении страниц 4-й и 5-й частей книги, которые посвящены харьковскому и полтавскому периодам жизни героя. Эти страницы пронизаны романтическим настроением, которое стимулируется тем, что молодой, полный волнующих чувств Арсеньев попадает в совершенно новую для себя обстановку: по его определению, это было «редкое обилие впечатлений и встреч». Это период, наполненный событиями, отличающийся динамизмом.

По пути на Украину все как бы сопутствует радостному состоянию духа героя: и то, что он попал в Орел с опозданием, как раз к приходу поезда на Харьков, и то, что «поезд, как нарочно, был чудесный, никогда еще не виданный...» [VI, 163]. Восторженного, восприимчивого юношу пленяет в новых краях все. И так как, по замечанию Бунина, в числе его особенностей была повышенная восприимчивость к свету и воздуху, первое, что поразило его в Харькове, — это «мягкость воздуха и то, что света в нем было больше, чем у нас» [VI, 163].

Если бы по «Жизни Арсеньева» был создан функциональный тезаурус (частотный словарь авторских значений слов), то слова со значением «свет» и «освещенность» стояли бы в нем на одном из первых мест. Свет оказывается репрезентирующей деталью земли Украины, устойчивым знаком ее дифференциации, приметой Малороссии. Мотив света повторяется из «главки» в «главку», сквозным образом цементируя воедино «украинский материал».

Архетипическое значение мотива солнечного света заслуживает особого внимания. Можно утверждать, что в нем скрещиваются многие ведущие составляющие поэтики Бунина. Мифологема солнца знаменует собой одну из четырех мировых стихий. Светоносной, солнечной природой, по народным христианским воззрениям, обладают Бог-отец и Иисус Христос, ангелы и святые. В Библии отмечается, что свет прекрасен, так как он создан актом божественной воли¹². В восточнославянской фольклорной традиции солнце и его свет обыкновенно находят отождествление со всем хорошим, положительным. (Это значение актуализирует и ряд других мифологических систем.)

О своей особой привязанности к солнечному свету писатель

говорил Н. Пушешникову: «Только видеть, хотя бы видеть лишь один этот дым и этот свет. Если бы у меня не было рук и ног и я бы только мог сидеть на лавочке и смотреть на заходящее солнце, то я был бы счастлив этим»¹³.

Бунинский герой свое очарование землей Малороссии передает Лике, которая, в свою очередь, говорит: «Я теперь понимаю тебя, я бы тоже никогда не могла жить на севере, без этого обилия света» [VI, 255].

Описания солнца и солнечного света в «Жизни Арсеньева» довольно разнообразны по своему характеру и эмоционально-оценочному контексту: солнце «блистает в окна спальни, заглядывает в них из сада» [VI, 259]; «склоняется, густо льется в открытые окна» [VI, 260]; «сады пекутся под солнцем» [VI, 261]; «тополя маслянисто блестят под солнцем» [VI, 259]; «взгляд теряется в солнечном блеске»... [VI, 256]. Бунин превосходно изображает эффекты световоздушной среды Полтавы и ее предместий. Делает он это с художнической чувственностью, как прирожденный живописец, колорист, наслаждаясь прелестью солнечного света, его плотью. Стремясь передать особенности освещения, автор создает картины, подобные импрессионистским, недаром М. О. Цетлин сравнивал его с К. Моне.

Проводя Арсеньева по местам своей юности, устами героя, оказавшегося в Харькове, он отмечает, что попал в совершенно новый для него мир: «...такого количества новых чувств я еще никогда не испытывал, столько знакомств за всю жизнь не делал» [VI, 164]. Обращает на себя внимание тот факт, что излюбленным определением Бунина здесь стало слово «новое». Все *новое* неотразимо в своей притягательности для юноши, проведенного детства и юность почти в уединении, вдали от больших городов: «...кое-где перелески и лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубровка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов. Это не юг, не степь, где пасутся отары в десятки тысяч голов, где по часу едешь по селу, по станице, дивясь их белизне, чистоте, многолюдству, богатству» [VI, 16].

Нейтральное прилагательное «новое» создает яркий образ, передающий возвышенное, эмоциональное состояние героя. В разговоре с любимой Арсеньев-Бунин раскрывает смысл этого слова: «...новизна, которая всегда празднична, повышает чувство жизни, а ведь все мы только этого и хотим, ищем во всяком сильном чувстве» [VI, 260]. Можно сказать, что здесь выражено жизненное кредо Бунина, его страсть к путешествиям, желание открыть и почувствовать новое. Мотив новизны, подобно

другим сквозным мотивам, показателен, репрезентативен для организации смыслового пространства «украинской прозы» Бунина.

Изображая Полтаву, Бунин опирается на абсолютно конкретные, топографически определенные реалии. В романе представлен природно-географический ореол города, связанный с его местонахождением: «Город, весь в густых садах, с гетманским собором на обрыве горы, глядел с нее на восток и на юг. В восточной долине отдельно стоял крутой холм с древним монастырем на вершине, дальше было зелено и пусто, долина переходила в степные скаты. В южной, за рекой, за ее веселыми лугами, взгляд терялся в солнечном блеске» [VI, 256].

Описание Полтавы и ее окрестностей поражает обилием ярких, радостных красок. Это и широкие мощеные улицы, которые удивляют множеством аптекарских и табачных магазинов — «эти улицы были каменны, белы»; это и поразительное количество вишневых садов, и необычайно высокое синее небо, и «прямая, как стрела, миргородская дорога».

Украина оказывается не просто территорией, где временно находится лирический герой, но и его личностным топосом, побуждающим к активности. Жизнь Арсеньева в Полтаве — это не только новые впечатления и знакомства, но и самая яркая, страстная любовь, ослепившая его, как солнечным светом. В Полтаве Арсеньев провел вместе с Ликой самые счастливые месяцы.

Обыденность жизни, обычно представляемая Буниным трагически (и в ранних, и в поздних произведениях), здесь подана как милая житейская суета, совсем не страшная, а даже чарующая маленькими радостями, небольшими подарками судьбы, постоянным ожиданием какой-то новизны. Теплота и животворность бытия согреты прикосновениями милого, дорогого, любимого существа.

Описывая первые месяцы жизни в Полтаве вместе с возлюбленной, Бунин берет для примера один из обычных дней, констатируя все мелкие подробности распорядка дня и быта. Но это отнюдь не холодный отбор фактов жизненного материала, а поток памяти, пронизанный счастьем свежести, молодости, здоровья. «Я проснулся поздно, — она уже ушла на службу, — окна в сад тоже были открыты и за ними вот так же шумело, качалось, пестро блестело, а по комнате вольно ходил тот счастливейший ветер, что сулит близкий завтрак...» [VI, 267].

Очень точно характеризует состояние героев диалог, в кото-

ром Лика упрекает Арсеньева в том, что он слишком часто использует слово «восхищение», на что тот отвечает: «Жизнь и должна быть восхищением» [VI, 261]. Чувство восхищения жизнью, судя по дневниковым записям, точно отвечает мировосприятию самого Бунина, и он наделяет этой способностью своего лирического героя.

Пространство Малороссии освещено для Арсеньева присутствием большого, всепоглощающего чувства любви. Каждая мелкая бытовая подробность этого периода жизни Арсеньева как бы кричит за него: «Я совершенно счастлив». Отсюда и вытекают его восторженные признания в любви к Украине: «Прекраснее Малороссии нет страны в мире» [VI, 260]. «Я человек до глубины души южный» [VI, 260]. «Ты, древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа!» [VI,261]. При чтении «полтавских» страниц не покидает ощущение гармонии мира, его красоты. Эти страницы насыщены чувствами, светом, счастьем, радостью влюбленности, жгучей жизненностью.

Мучительное, ревнивое чувство любви к Лике орловского периода в Полтаве перерастает в более спокойное чувство любования и умиления. Повторяющееся слово «милый» («милее») звучит словесным рефреном, усиливая ощущение полноты жизни, непрерывного, ежечасного ощущения счастья: «Брат стал еще милей и добрей» [VI, 256]; «...мы составляли его семью, очень ему милую...» [VI, 258]; «Всего милей мне были минуты перед сном» [VI, 264].

В «Жизни Арсеньева» Бунин показывает Украину почти сказочной, в описаниях природы заметны проявления традиций романтизма. Ее картины скуповатый на эпитеты Бунин рисует яркими красками, и перед нами предстает поэтический, живописный мир. Пейзажные зарисовки многолики, обильно наполнены звуками, запахами. Романтизированный природный колорит создает атмосферу лирической взволнованности и приподнятости. Земля Украины становится роскошной страной, где все превосходит обычные размеры: «Тополи были необыкновенны своей высотой и мощностью, восхищали нас; стоял май, много было гроз и ливней, и как блестяще зеленели они крепкой листвою, как свежо и смолисто благоухали! Весна тут была всегда яркая, веселая, лето знойное, осень ясная, долгая, зима мягкая, с влажными ветрами...» [VI,256]. Описания пестрят определениями типа: *необозримые, весенние* (просторы), *великий и богатый* (край). Пейзажные зарисовки отмечены не только силой подроб-

ностей, но и подчеркнутой поэтичностью, богатством тропов. Фраза открыто передает авторский восторг. Создавая образ Украины, Бунин использует языковой повтор, доминирующей деталью пейзажа являются тополя и сады, залитые солнцем: «Все это летним утром было часам к семи уже горячо, ярко, солнечно...» [VI, 257]; «Мы шли вдоль дивных тополей, маслянисто блестящих под солнцем, по горячим доскам пешеходов, под жаркими стенами домов и нагретыми садами...» [VI, 258]; «Часов до пяти в городе было пусто, сады пеклись под солнцем» [VI, 259]. Пейзажная деталь расширяется до символического обобщения, вся жизнь представляется такой же солнечной, яркой, как светило.

Чтобы образ Малороссии был наиболее полным, Бунин использует фрагменты фольклорных текстов, тем самым обогащая содержание, добиваясь полифонизма. Романтический настрой души поэта в полтавский период способствует сопряжению самого себя с фольклорными образами, что свидетельствует о совмещении в сознании героя прошлого и настоящего.

Рассказывая о «текущем» по долине казацком войске, о славных Дорошенко и Сагайдачном, Бунин замечает, что сам он «грустно и *сладко* чему-то завидовал». Неожиданность сочетания «сладко завидовал» придает тексту особый лиризм, только Бунину свойственные тон, умонастроение, строй чувств. Слово «сладко» является для Бунина устойчивым, излюбленным определением, вмещающим в себя противоположные по лексическому значению смыслы. В этой сладости чувства нашло отражение то, что больше всего пленяло Бунина в Украине: «Есть только прошлое, песни, легенды о нем, — какая-то *вневременность*. Это меня восхищает больше всего» [VI, 260].

Доминантой в отношении к Украине для Бунина стала смысловая конструкция, выраженная в четырех цитируемых Арсеньевым словах: «Ты, древний корень Руси...». Таинственная, пленяющая душу древность, исконность «народа сильного и нежного», «...наследника славянства подлинного, дунайского, карпатского» [VI, 179] сопряжена с размышлениями о великой и малой Руси.

Как уже не раз отмечалось, художественное пространство «Жизни Арсеньева» необыкновенно вместительно, оно включает в себя множество разнородных элементов, которые требуют для своей полной идентификации повторных прочтений. Эти впечатления усиливаются благодаря цитатно-ассоциативным деталям, элементам, аллюзиям, которые создают новый настрой,

способствуют дополнительному структурированию текста, его смысловому расширению. «Почему-то думал о Святополке Окаянном: вот в такой же вечер он едет верхом по этой долине впереди небольшой дружины — куда, что думает? И это было тысячу лет назад, и все так же прекрасно на земле и теперь. Нет, это не Святополк, это какой-то дикий мужик, шагом едет на потной лошади в тени меж горами...» [VI, 278].

Восприятие Арсеньевым и Ликой Украины опосредовано литературной парадигмой, их жизнь в Полтаве протекает под знаком Гоголя: «В этом городе учился Гоголь, весь окрестный край был его, — Миргород, Яновщина, Шишаки, Яреськи, — мы часто, смеясь, вспоминали: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!» [VI, 259]. Все окружающие реалии так или иначе вызывают в памяти гоголевские тексты: «И сколько у нас мух! А как это дальше, про огороды?

— «Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплутся над пестрыми огородами...» [VI, 260].

Рассказывая о жизни в Харькове, Полтаве, Бунин стремится к хронологической последовательности повествования, что придает тексту особую динамичность, почти физически ощущаемую. «Украинские страницы» в «Жизни Арсеньева», пожалуй, самые живые, движущиеся. Последовательность действий, из которых ничто не может быть пропущено, создает ритм реально идущего времени, подчиняющего себе и человека, и природу: «Брат выходил к чаю с папиросой в руке <...> Когда выходила наконец и она <...> Мы шли вдоль дивных тополей <...> Потом мы переходили знойную площадь <...> Мы проходили под лестницу <...> В полдень сторожа подавали нам чай в дешевых стаканках <...> Приходил Сулима, секретарь управы» [VI, 258]. В этом ретроспективном любовании обыденным — до уникальности подробное описание событий, даваемых как многократные. Обращает на себя внимание обилие глаголов движения, при помощи которых воссоздается зависимость между действиями субъекта и состоянием окружающего мира.

Рисуя образ А. Арсеньева, Бунин почти постоянно акцентирует внимание на его несоответствии человеческой норме, «выпадении» из привычной глазу реальности. Им, как и героем Гете, о котором не раз вспоминают Арсеньев и Лика, руководит «демон». Идиллическая концепция жизни «старосветских помещиков» (Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны), характеризующаяся отгороженностью от внешнего мира, противопоставлена Арсеньеву. Хотя первые месяцы жизни в Полтаве и

вызывали невольные аналогии с гоголевскими героями, обитавшими в тех же местах. Разрыв между Ликой и Арсеньевым неизбежен. Героиня чаще всего не понимает смысла обращенных к ней слов, точнее, понимает их как-то по-своему, по представлению Бунина, чисто по-женски.

Последние дни в Полтаве, когда Арсеньев узнал, что Лика его оставила, описаны поэтапно, с точностью хроники. Одиночество становится навязчивым лейтмотивом этих дней. Город, который раньше радовал своими красками и многоголосием, теперь называется «глухим», его улицы безлюдны, городской сад пуст, и над всем «кладбищенский запах лиственного тления». Это не просто одиночество, а глубокое внутреннее ощущение опустошенности жизненного пространства, где остался только «скудный свет свечи в неподвижном молчании спальни» [VI, 283]. Голые тополя, пустой городской сад — это не просто предметные детали осеннего пейзажа, знаки времени года, это косвенное обозначение одиночества, тягучей, однообразной тоски.

Пространственные образы, где царила гармония между человеком и космосом, которые выражали праздник бытия, полноту и силу жизни, остались в прошлом, в свои права вступила «глухая осень». Характерно, что на протяжении всего повествования о годах, проведенных в Полтаве, упоминание о поздней осени дается только здесь. До этого земля Украины представляла перед читателями весенней, летней, зимней (но все равно солнечной) порой. Эта «солнечность» призвана была создавать атмосферу счастья. Наполненное солнечным светом пространство сопрягалось с образом Лики, но ее не стало, и даже земля Малороссии перестала быть солнечной, наполнилась холодом «глухой осени», вызывая состояние неприютности и безучастности.

Полтава — это образ пространства, оставшегося в прошлом. Его чарующая поэзия, во многом объясняющаяся молодостью и влюбленностью героя, тоже осталась в прошлом. Финал возвращает из райского мира в жестокую реальность, к человеческой разобщенности. «Выйдя из дому, я пошел по улицам, — они были страшны: немо, тепло, сыро, всюду вокруг, в голых садах и среди тополей бульвара, густо стоит белый туман, смешанный с лунным светом...» [VI, 282—283].

В потоке бунинского повествования об истории становления личности украинский период оказывается крайне важным, так как способствует расширению кругозора лирического героя; пережитое и увиденное в Харькове и Полтаве становится своеобраз-

ной точкой отсчета в жизни Арсеньева-Бунина. «Украинские страницы» романа, наряду с другими, служат наиболее полному раскрытию образа героя.

Практически все русские писатели, опаленные огнем революционного переворота, так или иначе отразили его в своих произведениях. Не является исключением и И. А. Бунин, оставивший нам один из лучших «портретов» этого времени — книгу «Окаянные дни», в которой нашли свое отражение и украинские впечатления.

«Окаянные дни» состоят из двух частей, четко отличающихся местом и временем действия. Первая часть — это Москва 1918 г., вторая — Одесса 1919 г.; подобная хронотопическая определенность позволяет рассматривать каждую из частей отдельно. В «одесской» части «Окаянных дней» перед нами «другая» Украина, нежели в ранней очерковой прозе, произведениях 1910-х гг. и, в особенности, в романе «Жизнь Арсеньева».

Если в «Жизни Арсеньева» Украина предстает перед нами своеобразной «буколикой», в которой царят полнота и сила жизни, гармония между человеком и природой, пространственные образы, характеризующиеся полным радостью и солнца природным колоритом, то в «Окаянных днях» на просторах этой земли правят «сатана Каиновой злобы», «дьявольский мрак», страх, смерть, тьма и голод. «Все злобно, кроваво донельзя, лживо до тошноты, плоско, убого до невероятия»¹⁴.

В «Жизни Арсеньева», в ранней очерковой прозе Бунин именует Украину Малороссией. В «Окаянных днях» название Малороссия не звучит, теперь это Украина, а не Малороссия. Образ Малороссии — это образ пространства, оставшегося в прошлом, образ утраченного рая, который не суждено обрести вновь. Южный, теплый, солнечный мир разрушен революцией. Показательно в этом отношении то, что в Одессе периода «окаянных дней» нет источника жизни — солнца, солнечный мир ушел в прошлое. Произошла трансформация образа светлого в темный, качественно иным стало мироощущение героя: «Шел через базар — вонь, грязь, нищета, хохлы и хохлушки чуть не десятого столетия, худые волы, допотопные телеги — и среди всего этого афиши, призывы на бой за третий интернационал»^{14а}.

Деформируется облик городов, улиц, домов. Размах пространственных образов ранних рассказов и «Жизни Арсеньева» сменяется узостью и затхлостью загаженного большевиками, некогда прекрасного города. Меняются не только пространствен-

ные характеристики, но и хронологический ритм. По приказу большевиков время переводится вперед. Время становится новым — «большевистским» (читай — дьявольским), происходит его раздвоение, ибо автор живет по старому исчислению. Образ двоящегося времени приобретает характер зловещего символа, жизнь начинает отсвечивать мистериальными коллизиями: «По вечерам жутко мистически. Еще светло, а часы показывают что-то нелепое, ночное»¹⁴⁶.

Нарушены привычное существование человека, сообразность бытия. Дьявольское начало залило, поглотило смысловое пространство «Окаянных дней». Размышляя о власти большевиков, Бунин пишет: «...это что-то нечеловеческое. Люди совсем недаром верят в дьявола. Дьявол, нечто дьявольское несомненно есть»^{14в}. Одесса стала обиталищем дьявола, местом, лишенным благодати. Такому мироощущению соответствует подбор эмоционально-оценочных определений, которыми оперирует писатель («мертвый порт», «загаженный город», «дьявольский мрак», «анафемские черепа», «высокопарно-площадной жаргон»).

Бунин, описывая «красную» Одессу, акцентирует внимание на том, что изменяется (деформируется) не только облик одесских улиц, но и облик толпы, их наводняющей. Как только город становится «красным», на улицах появляется другой народ, как будто производится определенный подбор лиц: «Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения»^{14г}. Народ теряет национальную самобытность, превращаясь в безликое чудовище: «Город чувствует себя завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги. А завоеватель шатается, торгует с лотков, плюет семечками, «кроет матом»¹⁴⁶.

Изображая революционную толпу, Бунин подчеркивает чужеродность ее для мироздания, основанного на гармонии вечности, любви, добра. Одесса стала своеобразным Зазеркальем со знаком минус, где все гипертрофировано до фантастических размеров, как в искусстве постмодернизма.

Глубокой символики исполнена смысловая наполненность композиционного кольца «одесских страниц» книги, начинающихся с упоминания о «мертвом, пустом порте» и заканчивающихся его же описанием. Для Бунина порт — это сердце города. К одесскому порту той, дореволюционной поры писатель был привязан особенно, он был любимым местом его прогулок. Особую трагедийность создает контрастное сопоставление про-

шлого и настоящего, мира прежнего, изобильного, благодатного с нынешним проклятым, голодным. Этот прием призван подчеркнуть ограниченность того бытия от этого — «окаянного».

Глядя на порт, вспоминая свой отъезд в Палестину, Бунин восклицает: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»^{14д}. В этих строках выразилась тоска по миру прошлому, гармоничному, благодатному. Скорбь об утраченном заложена в каждой фразе.

В бунинских записях разрабатываются традиционные, древние образы и символы. Типологически значимые эпизоды описания одесского порта, затрагивающие тему разрушенной страны, восходят к библейскому тексту, который является для Бунина толчком, отправной точкой для разработки темы революционного переворота: «Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне, все будет разрушено» (Евангелие от Луки. 21:6).

Трагическая тональность Библии созвучна состоянию души, настроению писателя. В описании «красной» Одессы Бунин следует библейской традиции сознательно, с настойчивым постоянством используя ее символику. Посредством библейских аллюзий, очевидных параллелей, ссылок и цитат Бунин вписывает социально-историческую достоверность в надвременной, метафизически-ценностный поток бытия.

Сложное художественное целое «Окаянных дней» содержит большое количество аллюзий, реминисценций, цитат, в числе которых обильно представлены мотивы, отсылающие к теме ада. Таковы мотивы соблазна, мук, вины, тьмы, смерти, лунного холода. Знаменательно, что на «одесских» страницах книги совершенно отсутствует солнце, зато широко представлен мотив Луны, лунного света. Отсутствие солнца, заливавшего своим светом благодатную землю Украины на страницах ранних произведений Бунина, на наш взгляд, имеет весьма существенное значение, поскольку солнце замещается луной, а значит солярный мотив, исключительно важный для понимания бунинского видения Украины и ее жизни, сходит на нет. Тем самым автор подчеркивает, что счастье, благодать — одни из постоянных ключевых характеристик бунинской Украины — покидают ее землю. Луна в дуалистических мифах (построенных на противопоставлении мифологических символов) большей частью маркирована отрицательно, в отличие от Солнца, маркированного поло-

жительно. А. Н. Афанасьев отмечает, что в мифопоэтических представлениях славян Луна характеризуется как «светило, озаряющее загробный мир»¹⁵.

Одесса стала похожа на ад, ее пространство заполнила тьма. Мотив тьмы репрезентативен для «одесской» части «Окаянных дней». Повторяющийся из текста в текст, этот мотив выражает эмоциональную реакцию на стихию смертоносного бунта, которым разрушены теплота и животворность бытия.

Если обратиться к мифологическому словарю, то можно обнаружить следующее: «Свет и тьма — одно из основных противопоставлений в мифологической модели мира. В библейской традиции (Бытие) с отделения света от тьмы начинается творение. Свет является атрибутом космоса, гармонии; *тьма* — атрибутом хаоса и преисподней: в аду царит кромешная тьма — адский огонь не дает света. Ночь (тьма) — время максимальной активности нечистой силы»¹⁶.

Таким образом, основными мотивами, подчеркивающими противопоставление революционной и дореволюционной Одессы, в книге выступают архетипически оппозиционные мотивы тьмы и света.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что Бунин, изображая революционную Одессу топографически точно, с ее конкретными приметами, в то же время подчеркивает химеричность ее пространства. Такое восприятие объясняется влиянием демонических сил, с которыми для писателя ассоциируются большевики, под влиянием злой воли которых происходит полная утрата человеческих ценностей, полная их трансформация, деградация.

Поэтика бунинского изображения «красной» Одессы отражает его восприятие этого города как мифологической преисподней. Отсюда же акцентируемая роль оппозиции *прошлое/настоящее* (старая, дореволюционная Одесса — рай / «красная» Одесса — ад).

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965—1967. Т. 2. С. 108. Далее при ссылке на это издание том и страница указываются в тексте.

² См., например: Михайлов О. Н. Строгий талант. М., 1976; Мальцев Ю. Иван Бунин. М., 1994; Муценко Е. Г. Путь к новому роману на рубеже XIX—XX веков. Воронеж, 1986.

³ Бунин И. А. Русские дневники. М., 1990. С. 28. ^{3а} С. 80. ^{3б} С. 147.

⁴ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 188. ^{4а} С. 94. ^{4б} С. 124. ^{4в} С. 206.

⁵ Бунин И. А. Великий дурман. М., 1997. С. 35. ^{5а} С. 187. ^{5б} С. 198.

⁶ Пращерук Н. В. Художественная концепция национального в прозе

И. А. Бунина 1909—1913 гг.: Автореф. дис... канд. филол. наук. Свердловск, 1989. С. 17.

⁷ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977—1984. С. 114.

⁸ Из переписки И. А. Бунина и М. А. Алданова // Октябрь. 1996. № 3. С. 156. ^{8а} С. 117.

⁹ Литературное наследство. Иван Бунин. М., 1973. Т. 84: В 2 кн. Кн. 1. С. 65.

¹⁰ *Бабореко А. К.* И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1983. С. 61.

¹¹ *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995. С. 137.

¹² Библейская энциклопедия. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.

¹³ *Паустовский К.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 3. С. 473.

¹⁴ *Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 123. ^{14а} С. 143. ^{14б} С. 107. ^{14в} С. 51. ^{14г} С. 93. ^{14д} С. 90.

¹⁵ *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 250.

¹⁶ Мифологический словарь. М., 1991. С. 669.

М. Т. Авдеева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ КАК АРЕАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ПОГРАНИЧЬЯ

В одной из местных газет привлекло внимание любопытное рассуждение: «Как известно, на юге и на западе у нас проживает много так называемых хохлов. Являются ли они украинцами? Конечно, нет. Потому что, собственно говоря, они, сохраняя свои областнические особенности, вот уже несколько веков живут и развиваются в контексте русского языка и русской культуры»¹. Автор не говорит прямо, кем являются эти «хохлы». В статье чувствуется желание пополнить «русское море» за счет «хохлов», но назвать их русскими автор все же не решается. Так кто же они на самом деле? И существуют ли критерии определения их национальной принадлежности? А, может, этого вовсе не нужно делать? Может, наша область — один из заповедных уголков, где еще сохраняется славянское единство? И не надо противопоставлять «областнические особенности», напро-